

Н.Я. МАРР И С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ: ПОЛВЕКА ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА (К 100-летию Российской академии истории материальной культуры)

© 2020 г. В.Г. Ананьев^{1,*}, М.Д. Бухарин^{2,**}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

²Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: v.ananьев@spbu.ru

**E-mail: michabucha@gmail.com

Поступила в редакцию 07.05.2019 г.

Основателя РАИМК (ГАИМК) Н.Я. Марра и неперемного секретаря АН СССР (ИАН, РАН) С.Ф. Ольденбурга связывали почти полвека тесного сотрудничества в рамках двух академий. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН) и Государственном архиве РФ (ГАРФ) сохранилась обильная документация, которая сквозь тесное сотрудничество Марра и Ольденбурга помогает реконструировать историю советской науки и культуры в целом и историю академической археологии в частности. Особенно ценными являются документы, рисующие борьбу Марра и Ольденбурга против передачи предметов историко-культурного наследия Грузии в 1922–1923 гг. Переписка Марра и Ольденбурга является важным элементом для воссоздания научной и частной биографий обоих ученых, она в значительной степени корректирует стереотипные представления о личности Марра. В ранних письмах к Ольденбургу он предстает ученым-археологом, отчаянно борющимся за развитие науки в стране, более поздние письма наполнены сомнениями в верности избранного им пути. Ольденбург в письмах Марру является в своем традиционном образе – академического ученого, администратора, при любых обстоятельствах отстаивающего интересы науки.

Ключевые слова: советская наука, история археологии, историко-культурные ценности, ГАИМК, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург.

DOI: 10.31857/S086960630009077-3

У истоков советской академической археологии стоял Николай Яковлевич Марр (1864–1934) – яркая личность, ученый, оставивший неоднозначный след в истории науки. С 1919 г. Н.Я. Марр возглавлял Российскую (с 1926 г. – Государственную) академию истории материальной культуры. Более четырех десятилетий Марра связывали дружба и сотрудничество с неперемным секретарем академии наук (ИАН, с 1917 г. – РАН, с 1925 г. – АН СССР) Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863–1934). Их судьбы оказались тесно переплетены уже в студенческое время – оба были учениками академика В.Р. Розена (1849–1908). Оба быстро достигли вершин в академической иерархии, оба были ведущими администраторами науки. При этом Марр и Ольденбург были коллегами-академиками не только по Российской академии наук, но и по РАИМК (ГАИМК), в которой Ольденбург возглавлял разряд археологии и искусства Индии и

Дальнего Востока Археологического отделения, в 1920 и 1923–1925 гг. был товарищем председателя академии, а в 1920–1923 гг. – председателем Совета академии и ее Археологического отделения (Носов, 2013. С. 372). На протяжении всей своей жизни они поддерживали очень тесные связи – научные, административные, человеческие.

Б.С. Каганович в этой связи пишет: “С течением времени отношения между Ольденбургом и Марром стали вполне дружественными” (Каганович, 2015. С. 4). Неспроста в биографии Ольденбурга Марр занимает из всех представителей научного мира едва ли не наибольшее место (Каганович, 2013. С. 243). Их отношения ранее рассматривались очень кратко (Каганович, 2015. С. 3–15; 2016. С. 136–151), однако письма целиком не издавались, а наиболее драматичный период их совместной деятельности – совместная борьба за сохранение историко-культурного наследия

в первой половине 1920-х годов — не рассматривался вовсе.

Письма Н.Я. Марра С.Ф. Ольденбургу (всего 40 документов) охватывают ровно четверть века: датированные документы покрывают период с 1906 по 1931 г. В них поднимаются различные вопросы научной деятельности Марра: раскопки в Ани, работа с рукописями по исследованию грузинской и армянской литератур, разработка яфетической теории. Неоднократно Марр обращался к вопросам научно-организационным, прежде всего к основанию Анийского археологического и Кавказского историко-археологического институтов. С.Ф. Ольденбург принимал активное участие в судьбе сына Н.Я. Марра, Юрия, его жизнь и научная деятельность в этой связи часто обсуждаются в переписке. Марр не только излагает те или иные факты, в Ольденбурге он определенно стремился найти чисто человеческое понимание своих переживаний, и многие его письма наполнены психологическим драматизмом.

С самого первого письма, отправленного в 1906 г. С.Ф. Ольденбургу — непременно секретарю Императорской академии наук, Марр не стесняется говорить о том, что Академия недостаточно поддерживает исследования на Кавказе. Частные и общественные пожертвования на раскопки Ани значительно превосходили поддержку Археологической комиссии. Академия наук от поддержки его работ самоустранилась. И в дальнейшем Марр не мог найти поддержку своей научной и научно-организационной деятельности на Кавказе со стороны Академии наук. Бюджет Кавказского историко-археологического института был очень скромным, при громадном запросе на развитие науки на Кавказе ассигнований на иные предприятия также не хватало. Не находил Марр понимания в вопросах развития историко-археологических изысканий не только в академической сфере, но и у гражданских властей. Раскопки на Кавказе продолжали оставаться в основном его личной инициативой, которую поддерживали частные лица или общественные организации.

Тем не менее Марр хлопочет перед Ольденбургом за своих наиболее талантливых учеников, прежде всего И.А. Орбели: предлагает к публикации его работы, защищает от обвинений в неблаговидных поступках (при том, что, как показывают письма Ольденбургу, отношения Марра и Орбели были отнюдь

не безоблачными), активно участвует в университетской жизни на посту декана факультета восточных языков СПбУ, хотя прекрасно отдает себе отчет, что заниматься научной деятельностью, прежде всего организацией и проведением раскопок на Кавказе, и исполнять при этом важные административные функции ему очень сложно. Марр охотно отдавал предпочтение археологии, заведование факультетом определенно страдало от недостатка времени, имевшегося в распоряжении Марра-декана.

Еще одна тема, неоднократно поднимающаяся в письмах к С.Ф. Ольденбургу, — общественные национальные настроения. Марр, полугрузин-полушотландец по происхождению, часто жалуется на травлю в национальных общинах. Особенно показательно письмо от 21 июля 1913 г. (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 30–31 об.) Хотя армянские общественные организации поддерживали материально деятельность Марра, он не мог избежать сложностей в отношениях с обеими общинами — армянской и грузинской. Обвинения, выдвинутые против него, сам он формулировал следующим образом: «Здесь очень скверно. Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, веденной против меня в армянской общине. Когда грузины порочили и клеветали, я еще понимаю: они могли думать, что у меня и в научных изысканиях грузинская археология хотя бы на ½. Но почему у армян претензии требовать от меня их националистические программы и настроения, я не могу понять. Оказывается, что “я Ани отнимаю у армян и передаю русским”, что “в Ани умаляю значение армянской культуры и преувеличенно пропагандирую славу грузинской” и “даже” турецкой культур...» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 30). Сложности такого рода на, казалось бы, родном Кавказе Марр испытывал практически до конца своих дней.

Период 1919–1924 гг. отмечен сильнейшим драматизмом в письмах Марра к Ольденбургу. Эти письма являются уникальным источником информации по целому ряду сюжетов. Так, в письме от 21 января 1919 г. Марр говорит о своем выходе из состава Российской академии наук как свершившемся факте. Подтверждений этим заявлениям в “Протоколах заседаний Общего собрания Российской академии наук” нет. “Я был избран в Императорскую Академию Наук, никто меня не выбирал в Российскую академию наук, и в этом

смысле я считаю безусловно правильным, хотя и запоздалым, мое выбытие из состава Российской академии наук”, — заявляет Марр (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 38). Формальным поводом для этого явилась характеристика выступления Марра как “террористического”. “При создавшемся положении, не мною вызванном, мое решение бесповоротное”, — утверждал Марр. Тем не менее Марр остался действительным членом РАН.

Следующий “рубежный этап” в научной биографии Марра — борьба за сохранение памятников грузинской истории и культуры, отчаянные протесты в ходе этой борьбы, которые Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург заявляли совместно. Этот важнейший элемент научной биографии обоих ученых не нашел еще своего места на страницах работ по истории советской науки и культуры.

Значительное количество предметов из российских музеев, архивов и библиотек оказалось под реальной угрозой передачи Грузии. Представители комиссии, специально составленной для решения вопроса о передаче Грузии “ее национальных собраний и коллекций”, приняли соответствующее решение 24 июня 1922 г. Все “научные коллекции, имеющие отношение к Грузии”, были разбиты на три категории: 1) предметы и коллекции, эвакуированные из Грузии во время войны и хранящиеся в упакованном виде, 2) случайно попавшие в различные учреждения РСФСР и не вошедшие в научный оборот, 3) вошедшие как органическая часть в музеи и хранилища, имеющие мировое значение. Подлежащими возврату были признаны предметы и коллекции первой категории, за исключением тех, которые имеют явно русское происхождение и в то же время не имеют никакого отношения к Кавказу. Предметы и коллекции второй категории принципиально признавались подлежащими передаче в Грузию, но вопрос о тех предметах, которые необходимо оставить в хранилищах РСФСР, должен был предварительно решаться в Особой комиссии. Наконец, применительно к третьей категории признавалось необходимым сохранение их в пределах РСФСР, за исключением тех предметов, которые могли бы быть переданы Грузии по постановлению Особой комиссии. Для просмотра и отбора предметов второй категории, подлежащих оставлению в пределах РСФСР, и третьей категории, подлежащих передаче в Грузию, в Петрограде следовало образовать

Комиссию под руководством председателя Петроградского отделения Академического центра М.И. Кристи в составе двух представителей от Российской академии наук, по одному представителю от Публичной библиотеки и Академии истории материальной культуры и трех представителей от Грузии (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 91).

Так, Н.Я. Марр был втянут в работу по сохранению, а фактически передаче Грузии, предметов историко-культурного наследия, с которыми он сам активно работал.

20 июля Президиум ВЦИК постановил: “Все регалии древней Грузии, вывезенные в Россию и принадлежащие Грузии по удостоверениям в Государственном архиве и Наркомпроса и хранящиеся в Главархиве, Оружейной палате и других музейных хранилищах, возвратить Грузинской Социалистической Советской Республике” (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 1). Фактически этот документ, подписанный А. Енукидзе, открыл дорогу перераспределению культурных ценностей, в том числе рукописей, и передаче их Грузии, что отвечало общим первоначальным установкам советского правительства, еще 16 ноября 1917 г. принявшего декрет о передаче украинскому народу его национальных реликвий. Под влиянием именно этих событий 29 ноября того же года в тифлисской газете “Возрождение” появилась статья “Национальные реликвии Грузии в Петрограде”, автор которой, скрывшийся под инициалом Ал., провозглашал: “С разрешением этого вопроса нельзя медлить” (Пиотровский, Соломаха, 2017. С. 58, 253).

10 октября 1922 г. состоялось заседание Комиссии по обсуждению вопроса о передаче Грузии ее древних и художественно-исторических памятников, находящихся в различных хранилищах России, Российской академии наук в ее работе представлял С.Ф. Ольденбург. Было принято постановление о возможности возврата Грузии рукописей грузинского происхождения. Ольденбург высказал особое мнение, согласно которому термин “возвращение” может относиться только к тому, что было взято. Между тем на заседании речь шла о рукописях, которые были либо приобретены на законных основаниях, либо пожертвованы (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Д. 171. Л. 45 об.-46).

3 ноября 1922 г. эта позиция была доложена в Общем собрании РАН и снискала поддержку

его членов. Именно против этого — любой возможности передачи рукописей Грузии — возражал Н.Я. Марр. Документы, свидетельствующие о развитии вопроса о передаче Грузии объектов историко-культурного наследия, еще только должны быть введены в научный оборот. Определенно, борьба велась с исключительным напряжением.

С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр, вместе и по отдельности, продолжали участвовать в работе Комиссии, в центре внимания которой находились именно рукописи. Их подписи стоят под протоколом заседания от 6 октября 1922 г., на котором было принято следующее решение: 1) относительно предметов материальной культуры разногласий среди представителей РСФСР и Грузинской республики не имеется (в России остаются этнографические коллекции и грузинская часть коллекции оружия, находящейся в Эрмитаже); 2) относительно рукописей, “находящихся в хранилищах мирового значения (Азиатский музей Российской академии наук. Публичная библиотека)”, было признано “в принципе право ССР Грузии на обратное возвращение тех рукописей, которые в разное время были вывезены из Грузии в Россию”. Для решения вопроса о составе и времени их возвращения создавалась комиссия “с полномочиями решающего органа” (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 45).

На следующем заседании 10 октября 1922 г., в ходе которого была выработана и соответствующая инструкция о принципах отбора и передачи, присутствовал только С.Ф. Ольденбург. Инструкция содержала три принципиальных пункта: 1) все предметы уникального характера, вывезенные из Грузии с 1801 г., немедленно передаются ССР Грузии, за исключением тех из них, над которыми в настоящий момент ведется исследовательская работа в местах их хранения; таковые временно, до устанавливаемого Комиссией срока, могут быть оставлены в РСФСР; 2) все рукописи и предметы, изучением которых никто не занимается в РСФСР, немедленно передаются ССР Грузии; 3) вопрос о передаче ССР Грузии рукописей, не вывезенных из Грузии, а также и рукописей, передача которых не является необходимой с точки зрения интересов грузинской науки, решается Комиссией индивидуально применительно к каждому отдельному предмету (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 98. Л. 46=СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1923). Д. 9. Л. 5.)

Протокол от 10 октября 1922 г., не подписанный Н.Я. Марром, С.Ф. Ольденбургом был подписан с оговорками. Эти оговорки, составленные со ссылками на мнение Н.Я. Марра, были сформулированы в виде отдельного документа. Оба ученых единогласно утверждали: “Несомненное право на владение научными предметами, приобретенными мирным и законным путем, принадлежит той стране или тому ученому учреждению, особенно если оно имеет мировое значение, которые, приобретая предметы для научного употребления, хранили их, делали доступными всем для работы и сами пользовались ими для научных целей. Без признания этого права немыслимо создание и существование научных художественных хранилищ мирового значения, где только благодаря систематически подобранным коллекциям из разных стран и из быта разных народов становится возможна настоящая научная работа, в том мировом, а не узконациональном масштабе, которого требует современная наука. Распыление мировых сокровищ по хранилищам разных народов должно привести к упадку науки мировой и ко вреду и остальных национальностей в их научном развитии” (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1923). Д. 9. Л. 3).

Таким образом, судьба грузинских рукописей была окончательно решена еще в октябре 1922 г. В течение 1922–1923 гг. проходила активная работа по передаче Грузии предметов, имеющих отношение к грузинской истории и культуре, из российских музейных собраний — Москвы, Петрограда, Ярославля, Казани, причем передавались не только рукописи.

В январе — марте 1923 г. прошло несколько заседаний комиссии, образованной для детального обсуждения и окончательного решения всех вопросов, связанных с передачей Грузии ее древних художественно-исторических памятников, находящихся в различных хранилищах РСФСР. В этих заседаниях участвовали: М.П. Павлович (председатель), М.Н. Покровский, А.Д. Джгушиа, М.П. Орахелашвили, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Генко, К.С. Мекелидзе, А.Г. Шанидзе, П.П. Дехтерев (секретарь).

На первом заседании Комиссии 9 января 1923 г. С.Ф. Ольденбург передал мотивированное заявление от Российской академии наук, согласно которому решение вопроса о передаче Грузии затребованных рукописей должно быть отложено до возвращения Н.Я. Марра из зарубежной командировки — “единственного в РСФСР вполне компетентного и

высокоавторитетного эксперта по данному вопросу”. Первое заседание Комиссии закончилось констатацией факта наличия “на территории Объединенных советских республик” двух центров грузиноведения — в Тифлисе и Петрограде, “причем первый центр доминирует над вторым как в отношении количества лиц, работающих в области грузиноведения, так и в отношении масштаба, в котором ведется эта работа” (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 4–4 об.).

10 января 1923 г. состоялось второе заседание Комиссии. Было решено продолжить работу Комиссии, несмотря на отсутствие Н.Я. Марра. В этой связи С.Ф. Ольденбург обратился к Комиссии с просьбой освободить представителей РАН от работы в ней в связи с невозможностью взять на себя моральную ответственность за принимаемые решения “в отсутствие главы школы грузиноведения в России академика Н.Я. Марра”. По этому поводу дается разъяснение, что вопрос о передаче Грузии ее художественно-исторических памятников принципиально уже решен, и Комиссии только предстоит обсудить ряд вытекающих отсюда технических вопросов”. Ольденбург обратил внимание на то, что определенные рукописи могут находиться в сфере научных интересов Н.Я. Марра, а без него нельзя определенно ответить на вопрос о том, какие рукописи имеют уникальный характер и какие находятся в сфере научных интересов самого Марра в настоящий момент. Комиссия сама приняла решение о том, что уникальными следует считать те рукописи, которые фактически отсутствуют в Грузии и наличествуют в виде дефектных экземпляров (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 6–6 об.).

На третьем заседании Комиссии 11 января 1923 г. Ольденбург продолжил отстаивать максимально широкое понимание вопроса о рукописях, находящихся в центре исследовательского внимания российских кавказоведов, прежде всего Н.Я. Марра. Ссылаясь на п. 2 инструкции от 10 октября 1922 г., Ольденбург стремился очертить круг таких рукописей как включающий еще и памятники, “имеющие ближайшее отношение” к изучаемому предмету. Такое толкование вызвало протест грузинской стороны. Комиссия решила передать все рукописи, которые могли представлять интерес для Н.Я. Марра, но “если рукописи эти окажутся ко времени приезда его в Россию переданными Грузии, то по его заявлению они

будут немедленно возвращены ему для окончания начатых работ” (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 6, 7 об.).

“О грузинских рукописях ничего не хочется писать. Я прямо заявляю, и прошу коллег академиков осведомить в форме, в какой вы найдете нужным, что изъятие грузинских рукописей из рук Академии в настоящий момент считаю исключительно ножом в спину, естественно физически направленным или пронзающим меня, и кто это делает, тот постановляет, значит, мое изгнание из России, но куда?” — писал Марр Ольденбургу 13 февраля 1923 г. Мнение Марра отличалось от позиции неременного секретаря РАН Ольденбурга.

Четвертое заседание Комиссии состоялось 17 марта 1922 г. Состав участников был иным: М.П. Павлович (председатель), Д.А. Джгушиа и И.И. Гливенко (члены комиссии), А.Г. Шанидзе, С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковский, Д.Н. Абрамович, А.Н. Генко — эксперты, Б.Н. Молас — секретарь. Заседание было посвящено фактическому разделу рукописного наследия петроградских собраний. По 27 рукописям соглашение не было достигнуто. С.Ф. Ольденбург упирал на то, что российская сторона пошла на исключительное широкое толкование вопроса в пользу Грузии, однако рукописи, принадлежавшие академику Броссе, а также ряд иных коллекций, переданы быть не могут. Он подчеркивал невозможность рассеивания рукописей по различным собраниям из уже существующих коллекций, возможность для грузинских коллег пользоваться петроградскими собраниями для своих научных исследований (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 7, 8 об., 9).

На пятом заседании 19 марта 1923 г. С.Ф. Ольденбург передал через ученика Марра лингвиста А.Н. Генко свое мнение относительно возможности передачи Грузии рукописей исключительного значения: рукописи передаются в обмен на отказ от палимпсестов. Эта уступка была вынужденной, и Генко от себя добавил, что считает ее неверной, идущей во вред науке. Еще раз Ольденбург подчеркнул, что считает недопустимым передачу Грузии рукописей из собрания Броссе, и пригрозил выражением отдельного мнения Российской академии наук, если Комиссия пойдет на поводу у грузинской стороны, а также включением упоминания о таком масштабном изъятии в доклад к 200-летию РАН (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 10–13).

18 марта 1923 г. был составлен список рукописей, подлежащих передаче и фотографированию как для грузинской, так и для российской стороны (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 14).

В шестом заседании Комиссии 20 марта 1923 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 9, 15 об., 17) ни Н.Я. Марр, ни С.Ф. Ольденбург не участвовали. В тот же день, 20 марта 1923 г. был составлен протокол, в котором все рукописи Государственной публичной библиотеки и Азиатского музея были поделены на следующие группы: 1) передать ССР Грузии; 2) оставить в петроградских книгохранилищах; 3) палимпсесты и рукописи из собраний Броссе и Тишендорфа оставить в Петрограде; 4) рукописи, исследованием которых занимались С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, В.Н. Бенешевич, А.А. Алиханян, Ю.Н. Марр, оставить в Петрограде до 1 апреля 1924 г., затем передать Грузии; 5) рукописи из Азиатского музея передаются в недельный срок, рукописи из ГПБ — в трехнедельный; 6) передаваемые и оставляемые рукописи фотографируются, производится обмен фотографиями; 7) на что у СНК РСФСР испрашивается соответствующее ассигнование. Данный протокол был заверен М. Павловичем, Д. Джгушиа (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 18–19 об.).

Изымались, однако, не только рукописи из петроградских коллекций. Изъятия происходили в Оружейной палате, Историческом музее, Синодальной библиотеке, Строгановском музее в Петрограде, других собраниях. “Мне все пути отрезаны, кроме могилы...”, — резюмировал свое положение Марр в письме Ольденбургу 13 февраля 1923 г. Возможно, решение вопроса с изъятием грузинских рукописей (наряду с утратой возможности работать в Ани) сыграло решающую роль в фактическом отходе Марра от науки в ее классическом варианте и смещении всего центра тяжести усилий на разработку и пропаганду “нового учения о языке”.

Определенно 1923 г. был исключительно труден для Марра в психологическом отношении. Он испытывал одиночество не только в научной сфере, но и в обыденной жизни. В письме от 25 мая 1923 г. Ольденбургу он признавался: “Мне было очень грустно, хотя, конечно, ничего особенного, что бы Вам не было известно, не могу я сообщить, однако все-таки было грустно, что разлука наша продлится еще на ряд месяцев, а жизнь теперь идет так стремительно, и все делит, и все

разлучает, и все дробит, что я боялся оказаться и тут в одиночестве, не только в яфетической теории” (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 43).

Тема одиночества, ненужности его изысканий в области языкознания не отпускает его и в дальнейшем. В короткой открытке, посланной 12 октября 1927 г. из Испании, Марр дважды жалуется на ненужность и непонимание его деятельности. Он искренне не понимает причин этого одиночества. Так, он пишет Ольденбургу 3 ноября 1927 г.: «...если не употреблять почему-то ненавистного всем термина “яфетический”» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 50). Причина ненависти к термину и его сути так и остается для него тайной за семью печатями, которую Марр склонен трактовать как проявление равнодушия, недостойного академической науки.

Марр, определенно, устал от административной нагрузки, которая не давала ему заняться научной работой и ее организацией там, где на эту деятельность был спрос — на родном ему Кавказе. “Если бы освободиться от всего прочего в звании члена Академии наук, я думаю, сделал бы больше не только для своей теории и правильного научного направления работ на Кавказе, но и для здорового обмена веществ на местах, а также Академии с местами, если бы ... если бы Академия в какой-либо мере меня поддерживала”, — пишет он Ольденбургу 13 июня 1924 г. (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об.) Показательно, что это письмо написано на бланке директора Государственной публичной библиотеки — и этот пост тяготил Марра. В этом же письме он жалуется Ольденбургу — непременно секретарю РАН — на сокращение штатов Кавказского историко-археологического института, нищенский бюджет одного из детищ Марра — Яфетического института, в который не могут поверить даже на Кавказе, не избалованном ассигнациями на развитие науки, и продолжает с горьким сарказмом: “Не кончить ли свою деятельность землепашеством в моей деревне или перейти в работники одной из республик, где если и не будет широких программ, то не будет и пустых затей, сводящихся не только к положению ликвидационному, как в деле Кавказского историко-археологического института, но и безжизненному прозябанию, как в деле Яфетического института, на деятельность коего дается 20 рублей в месяц!” (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45).

Марр предчувствовал судьбу основанных им учреждений и в столице: “Тоскливо и тяжело, особенно когда через 3 часа предстоит видеть разрушенное дело анийских работ (проеду ведь станцию Ани). Ведь та же участь предстоит моему петербургскому или ленинградскому научному строительству”, — пишет он все в том же письме (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45). В этом отношении Марр оказался близок к истине. Государственная академия истории материальной культуры пережила своего основателя, здравствует она и в настоящее время. Остальные же элементы научного строительства Марра действительно обрушились: слишком уж шатким оказалось их основание.

Эти письма Ольденбургу рисуют образ Марра в разительном контрасте с тем представлением, которое иногда высказывается относительно его места в науке — весильного сумасброда, упивающегося своим влиянием (см.: Алпатов, 2004. С. 11–13, 262–264) (следует отметить, что упоминания Марра-администратора в позитивном контексте крайне редки: Васильков 1999: 156–157 (говорится о роли Н.Я. Марра в отсрочке разгрома классического академического востоковедения на рубеже 1920/1930-х годов)). Перед нами предстает одинокий, раздираемый сомнениями человек, не находящий своего места в научном мире. Он бы и рад выйти из игры, однако давление окружающих его младших коллег и учеников, в которых он видит заинтересованность в его административных усилиях, заставляет его продолжать начатое: “...однако я в этом салоне, как на улице в толпе, как в Университете и везде”, — признается он Ольденбургу (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об.).

Далее Марр снова говорит о контрасте между желанием приносить пользу, наличием сил и равнодушием академической среды. Он хотел бы ее покинуть, но нет выбора: “Видеть столько дела, жизни, иметь силы работать и встречать везде, где только..., равнодушие и шипение ... Я все-таки думаю об уходе, вообще, но куда?”. Проезд мимо развалин Ани психологически дается Марру непросто: “Трудно писать”, — так завершает он это письмо, наполненное тяжелыми переживаниями (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об.).

Последние письма Н.Я. Марра С.Ф. Ольденбургу помимо забот административного свойства наполнены попытками внятно растолковать суть “нового учения о языке”.

Марр, как и Ольденбург, тяжело переживал судьбу академической науки на рубеже 1920/1930-х годов. Резкие перепады его настроения, возможно, были связаны именно с тем, что он не мог принять того, что происходило с АН СССР в начале 1930-х годов. Вывод Б.С. Кагановича по вопросу об отношении Марра к политике Советского государства, к академической науке представляется взвешенным: «Марр, несомненно, был в числе тех руководителей “обновленной” Академии, которые, несмотря на все публичные декларации, не желали полного разгрома “старой” науки, и ему (как и Ольденбургу) классическое востоковедение в СССР обязано очень многим... Ныне, по прошествии стольких лет, мы воспринимаем С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра, несмотря на все их различия, как представителей великой, героической эпохи русской гуманитарной науки. Оба они так и не избавились от того беспросветного или небеспросветного идеализма, без которого вообще невозможна наука» (Каганович, 2015. С. 13, 15).

В российских архивных собраниях сохранилось 37 ответных документов, посланных С.Ф. Ольденбургом Н.Я. Марру, — открыток, писем, телеграмм. Самый ранний документ датируется 1892 г., самый поздний — 1933 г., т.е. переписка двух ученых покрывает более 40 лет их жизни. Большая часть документов — открытки, короткие письма. Длинные документы редки.

Тематика сюжетов писем Ольденбурга к Марру весьма разнообразна. Часто это мелкие просьбы: принести, сообщить, передать и т.д.

Затрагивались в письмах и вопросы частной жизни, прежде всего здоровья. Ольденбург проявлял трогательную заботу о здоровье Марра, неоднократно жаловался на свое, выражал беспокойство относительно здоровья своего сына Сергея, состояние которого в значительной степени формировало его образ жизни.

После утверждения Ольденбурга на посту неременного секретаря ИПАН тематика писем расширяется за счет хлопот по академическим делам: пополнение рукописного фонда, бюджеты учреждений, вопросы функционирования высшей школы — все это Ольденбург обсуждал с Марром.

Марр рассчитывал на помощь Ольденбурга в вопросе наполнения бюджета Анийской экспедиции. В письме от 26 июня 1916 г. он

единственный раз ссылается на свой официальный чин: руководитель Ванской археологической экспедиции Императорского Русского археологического общества (фраза “но и член Академии” была вычеркнута). Ольденбург оказывал все возможное содействие коллеге, однако помощь Академии наук была недостаточной, и Марру приходилось наполнять большую часть бюджета за счет частных пожертвований и собственных усилий.

Помощь Ольденбурга как неперемного секретаря была не только организационно-финансовой, но и “политической”. Так, С.Ф. Ольденбург принимал деятельное участие в том, чтобы проект Анийского института, который создавал Марр для развития археологических исследований на Кавказе, получил поддержку местной интеллектуальной элиты. Именно Ольденбург уведомил Марра о том, что звание почетного попечителя института “с искренней благодарностью” принял Католикос всех армян — по имени в письме не был назван Маттеос II (Измирлян, 1845—1910).

Интересны и характеристики Ольденбурга, данные органам государственной власти как по вопросам научной политики, так и по более общим проблемам. Не без гордости он пишет Марру 26 июня 1912 г.: “Чувствовалось, что и Государственный Совет, как и Государственная Дума, смотрят на Академию как на главный очаг русской науки”. 25 июня 1915 г. в письме, написание которого было спровоцировано целым рядом обстоятельств, Ольденбург не мог не коснуться политической ситуации: «Сейчас грустно очень, что наши господа левые не желают считаться с положением и стоят на своей допотопной точке зрения “чем хуже, тем лучше”. И от этого много еще будет зла. Правительство тоже не хочет считаться достаточно серьезно с общественными силами и настроениями» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 20 об.). Ольденбург точно подметил столкновение двух недальновидных позиций и возможные результаты этого столкновения. Предчувствия его не обманули.

Либерал, член кадетской партии, Ольденбург в трудные для страны времена прекрасно осознавал роль четкой организации и дисциплины как в науке, так и в общественной жизни: “Возвращаюсь к тому, что говорил: у нас ни в чем почти не умеют организоваться, и штатские лица не понимают совершенно необходимости дисциплины”, — с горечью

признавался он Марру в письме 24 июля 1915 г. (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 22).

В хаосе, порожденном войной, сменой власти, работать Ольденбургу было очень непросто. Так, 8 июня 1917 г. он пишет Марру: “Занят я по 15—16 часов в день, устаю очень, и все-таки, вероятно, лишь малая доля этой напряженной работы производительна” (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 30 об.). Тем не менее он не отказался от должности министра просвещения во Временном правительстве, полагая, что долг в трудной ситуации превалирует над личным комфортом.

Весьма показателен обмен писем между Марром и Ольденбургом 20—21 января 1919 г. Марр воспринял слова академика И.П. Павлова (точная цитата в письмах не воспроизводится), который высказался о “терроризирующих” действиях большевиков как о направленных в свой адрес. Марр, тесно сотрудничавший с новой властью, немедленно заявил об отказе от звания академика РАН и попросил Ольденбурга считать свое решение окончательным.

Ольденбург не мог смириться с этим. Во-первых, по мнению Ольденбурга, который в этом вопросе сослался еще и на президента РАН А.П. Карпинского, Марр не разобрался в том, кому были адресованы слова академика Павлова. Во-вторых, Ольденбург посчитал, что личное начало Марра в этой ситуации взяло верх над интересами Академии наук, и он не мог не выразить своего несогласия с такой расстановкой приоритетов. Ольденбург пустил (возможно, и неосознанно) в ход весь доступный арсенал аргументов: ссылку на свое плохое здоровье, апелляцию к дружеским чувствам, к чувству солидарности с коллегами, которые работают, невзирая на обстоятельства, в частности на президента РАН А.П. Карпинского: “У меня только что был Александр Петрович и, хотя мне сегодня очень нехорошо, я не могу не написать Вам, как старый Ваш друг (надеюсь, Вы позволите мне считать себя им?) и товарищ. Вы знаете, как высоко я ценю Вашу работу [...] и в Академии в особенности, ибо здесь Ваша главная научная работа и я отказываюсь даже понять, что Вы в [...] личной обиды и раздражения можете все это бросить, и кроме того бросить нас, Ваших товарищей, которые работают, так же как и Вы, не жалея себя. Неужели мы для Вас ничто, научная работа ничто, что в такое исключительное время Вы можете все это бросить? Я слишком уважаю и люблю Вас для того, чтобы

этому поверить”, – писал Ольденбург Марру 20 января 1919 г. (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 34–34 об.). Ситуацию удалось урегулировать, Марр остался в Академии наук. Совместная работа продолжилась.

В литературе уже указывалось на то, что С.Ф. Ольденбург относился очень сдержанно к лингвистическим построениям Н.Я. Марра, его яфетической теории (Каганович, 2015. С. 10, 11). Тем не менее Ольденбург находил необходимым информировать Марра о ходе работ на яфетическом фронте. Весьма подробно он говорит об этом в письме от 27 января 1923 г. (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 38–40 об.), в котором пишет о яфетических изысканиях совершенно буднично, как о вещах привычных.

Особенностью формальной стороны отношений С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра в 1920-х годах являлось то обстоятельство, что Ольденбург был непременным секретарем РАН (АН СССР), т.е. руководил в данном статусе всей академической наукой в стране. С другой стороны, Н.Я. Марр занимал исключительно влиятельный пост председателя Российской академии истории материальной культуры (с 1926 г. – Государственной), а С.Ф. Ольденбург состоял у него в административном подчинении как руководитель Разряда археологии Индии и Дальнего Востока Археологического отделения. Это обстоятельство было весьма важным, так как давало Ольденбургу дополнительный заработок. Особенно этот вопрос обострился после того, как Ольденбург был снят с поста непременного секретаря АН СССР: опальный ученый значительно потерял в доходах. В письме к Марру от 4 октября 1930 г. он приводил расходы своего семейного бюджета, упирая на то, что после всех необходимых вычетов денег остается совсем немного. Далее свою финансовую ситуацию Ольденбург описывал следующим образом: “Как дальше быть, особенно, если повысят квартплату? Еще уменьшать площадь, значит, лишиться себя возможности работать дома. Тогда остается один выход: уходить из Академии, искать иного заработка или на пенсию, но и то и другое значит ставить крест на работе, а

я еще могу и хочу работать” (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 48–48 об.).

Работать Ольденбург продолжил. В 1930 г. на базе Азиатского музея был создан Института востоковедения АН СССР, который Ольденбург возглавлял вплоть до своей кончины.

Документы архивных собраний, в частности переписка Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга, документы по их совместной деятельности в области сохранения культурного наследия показывают, что 100-летняя история российской археологии еще не написана, и открытия ожидают историков не только “в поле”, но и в читальных залах.

Работа выполнена при поддержке РНФ: грант № 18-18-00367 “Всеобщая история в советской науке, культуре и образовании в 1917–1947 гг.”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. Изд. 2-е, доп. М.: USSR, 2004.
- Васильков Я.В.* Академик С.Ф. Ольденбург: последние годы (директор Института востоковедения АН СССР) // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XX конф. Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (22–25 ноября 1999 г.). Выпуск XV. СПб., 1999. С. 156–157.
- Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Нестор-история, 2013.
- Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург и Николай Яковлевич Марр: Взгляд из XXI века // Armenological Issues (Yerevan). 2015. №2 (5). С. 3–15.
- Каганович Б.С.* С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр: Взгляд из XXI века // Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки. М.: Наука, 2016. С. 136–151.
- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Ответственный редактор-составитель чл.-корр. РАН Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
- Эрмитаж от Февраля к Октябрю. 1917. Архивные документы / Под общей ред. действительного члена РАН М.Б. Пиотровского. Составитель сборника Е.Ю. Соломаха. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2017.

**N.YA. MARR AND S.F. OLDENBURG: HALF A CENTURY
OF FRIENDSHIP AND COOPERATION**
(To the 100 anniversary of the Russian Academy of history
of material culture)

V.G. Ananiev^{1,*}, M.D. Bukharin^{2,**}

¹ St.-Petersburg University, Russia

² Institute of World History of the RAS, Moscow, Russia

*E-mail: v.ananev@spbu.ru

**E-mail: michabucha@gmail.com

The founder of the Russian Academy for the History of Material Culture (RAIMK (GAIMK)) N.Ya. Marr and the Permanent Secretary the Academy of Sciences (St.-Petersburg Academy, Russian Academy of Sciences, Academy of Sciences of the USSR) S.F. Oldenburg were connected by almost half a century of close cooperation within the two academies. In The St. Petersburg branch of Archive of Russian Academy of Sciences and the State Archive of the Russian Federation keep plentiful records on close cooperation of Marr and Oldenburg which makes it possible to reconstruct the history of the Soviet science and culture in general and the history of the academic archaeology in particular. The documents reflect Marr and Oldenburg's fight against transferring of historical and cultural heritage of Georgia in 1922–1923. Correspondence of Marr and Oldenburg is an important element for the reconstruction of scientific and private biographies of both scientists, moreover, it considerably corrects stereotypic ideas of Marr's personality. His early letters to Oldenburg show him as an archaeologist who is desperately fighting for development of science in the country, later letters are filled with doubts in the fidelity of the way he had chosen. Oldenburg's letters to Marr prove the traditional image of the former as an academic scientist and administrator, advocating the interests of science under any circumstances.

Keywords: the Soviet science, the history of archaeology, historic and cultural heritage, the State Academy for the History of Materi.

REFERENCES

- Alpatov V.M.*, 2004. The history of one myth. Marr and Marrism. 2nd edition. Moscow: USSR.
- Vasil'kov Ya.V.*, 1999. Academician S.F. Oldenburg: the last years (Director of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences). *Science and technology, XV. Issues of history and theory. Proceed. of the XX Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee of the History and Philosophy of Science and Technology (November 22–25, 1999)*. St.Petersburg, pp. 156–157.
- Kaganovich B.S.*, 2013. Sergey Fedorovich Oldenburg. An experience of biography. St.Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kaganovich B.S.*, 2015. S.F. Oldenburg and N.Ya. Marr: A view from the 21st century. *Armenological Issues (Yerevan)*, 2(5), pp. 3–15.
- Kaganovich B.S.*, 2016. S.F. Oldenburg and N.Ya. Marr: A view from the 21st century. *Sergey Fedorovich Oldenburg – a scientist and an organizer of science*. Moscow: Nauka, pp. 136–151.
- Academic archaeology on the Neva banks (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014). E.N. Nosov, ed., comp. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013.
- The Hermitage from February to October. 1917. Archival documents. M.B. Piotrovskiy, ed., E.Yu. Solomakha, comp. St.Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 2017.